

18+

Александр Корулин

Кровь раздора

Александр Корулин

Кровь раздора

«Издательские решения»

Корулин А.

Кровь раздора / А. Корулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515571-9

Иномирцев ждет Лодогманар, могущественные маги Ока Троицы обещали ответить на их вопросы. Но все ли готовы услышать ответы? Путь, кажущийся простым, никогда таковым не является, а беда, как известно, приходит оттуда, откуда её меньше всего ждешь. Неведомый и страшный недуг, неподвластный силе Ласколы, поражает иномирцев, заставляя их с яростью диких зверей бросаться друг на друга. Злость и недоверие задают опасное направление, грозящее привести иномирцев к потере всего, чем так дорожит человек..

ISBN 978-5-00-515571-9

© Корулин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
АНФАС	8
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кровь раздора

Александр Корулин

© Александр Корулин, 2020

ISBN 978-5-0051-5571-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова благодарности

На написание не только этой, но и двух предыдущих книг ушло бы гораздо больше времени, если бы не помощь со стороны моего близкого друга и соратника, которого я искренне хочу за это поблагодарить.

Иван Лансков. Первопроходец в дебрях моих черновиков и терпеливый слушатель океанов идей, которыми я с ним делюсь вот уже на протяжении более 15 лет, он был рядом с момента создания Адолрона как мира. Всё, что напечатано на страницах книг цикла, было создано в непростых «мозговых штурмах», после победы в которых предложения обретали смысл, складываясь в абзацы, а затем в главы с логическим сюжетом, где расы, места и события обрастали деталями и особенностями.

Поддержка Ивана – и он знает, о чем я говорю – помогала мне продолжать писать в те моменты, когда нажимать на клавиши ноутбука было самым последним желанием в мрачные дни отсутствия не только вдохновения, но и мотивации.

Критик, корректор, редактор, верстальщик – это далеко не полный список того, где Иван протянул мне руку помощи. Как говорится в одной старой поговорке: если хочешь идти быстро, иди один, но если хочешь идти далеко – идите вместе.

Еще раз выражаю свою признательность и уважение за терпение и твой вклад в нашу общую вселенную, имя которой – Адолрон.

Спасибо.

Пролог

От усталости перед глазами прыгали разноцветные пятна, но вскоре они стали ослепительно-белыми – следом пришла сильнейшая головная боль. Словно в виски медленно вонзали раскаленные ножи...

Залитый кровью и мертвецами коридор внезапно сменился дверью грязно-зеленого цвета, над которой висела покосившаяся вывеска с совершенно неразборчивым названием. Гхолал не сразу вспомнил, как входил в нее следом за Тайгивом. Затем за столом внутри этого здания что-то ел рядом с Заавхом, которого после нескольких выпитых кувшинов крепкого местного пойла унес в купленную Геррапом комнату, чтобы потом вновь вернуться к столу и увидеть за ним Сота, рядом с которым стоял Крысий Глаз...

Гхолал с трудом повернул голову в бок, еле сдержавшись от болезненного стога, и увидел распластавшегося по земле Сота. Его грудь очень медленно поднималась и опускалась, глаза были зажмурены, губы и кулаки стиснуты со страшной силой.

Крыши домов медленно светлели, тьма из их углов отступала под лучами просыпающегося солнца. Откуда-то донесся долгий скрип не то двери, не то колеса повозки, но сразу же за ним очень близко, словно за плечом, оглушительно завопил петух.

Гхолал с трудом сплюнул сгусток крови, накопившийся во рту, стискивая зубы и, держась за бочку у стены, медленно встал. Перед глазами плавала грязно-зеленая дверь и лежащий без движений Сот в двух шагах от нее. Ноги дрожали, и Гхолал не осмелился отойти от бочки, за которую держался, чтобы не упасть.

Второй раз подняться он не сможет.

Вновь взглянув вверх, слабо удивился: утреннее солнце уже добралось до верхних этажей, заглядывало в окна, спеша разбудить жителей.

Снизу донесся слабый стон. Гхолал попытался перевести взгляд на Сота, но глаза сами собой закрылись, отчаянно взывая о сне, отдыхе. Чудовищным усилием, ненавистью себя за это, Гхолал с треском рвущихся внутри него жил поднял веки, чтобы увидеть обращенное к нему измученное бледное лицо.

Разбитые губы дрогнули, выплевывая едва слышные слова:

– Мы... вернулись?

* * * *

Владелец одноэтажного здания, у которого, как выяснилось в первую же ночь, есть пристройка позади с еще одним этажом, встретил их всё тем же хмурым взглядом. Огромный тесак лежал на расстоянии вытянутой руки, но трактирщик, даже не взглянув на него, оглушительно пробасил:

– Что налить?

В помещении Гхолал заметил лишь одного старика, что склонился над кружкой за соседним от трактирщика столом. Придерживая Сота, Гхолал добрался до ближайшей скамьи, тяжело рухнул на нее. Еще труднее, оказалось, удержать Сота, ибо тот, едва лишился поддержки, тут же начал падать со скамьи на грязный пол.

Хмурый владелец пахнувшего жареным луком вперемешку с подгорелым мясом помещения подошел сам, со стуком поставил на стол пузатый кувшин, мрачно заметив:

– Если я найду мертвеца у своих дверей, я возьму двойную плату.

Гхолал устало взглянул на него:

– Плату за что?

– За то, что буду утаскивать тело того бедолаги, которого ты вчера душил, в канаву, – волосатая рука налила темную жидкость, что ударила резким травяным ароматом по ноздрям, в две большие кружки.

– Вчера? – слабо удивился Гхолал, и сразу получил утвердительный кивок:

– Если ты не оставил его тело у моих дверей, первый кувшин пьете даром.

Гхолал вновь слабо удивился, на этот раз щедрости трактирщика, хоть и не понял её причину. Потянулся к кружке, поднял двумя руками. Подавился первым же глотком, пролив на грудь, но затем, ощутив вкус и невероятную жажду, начал просто заливать в глотку содержимое кружки. Когда она, опустевшая, упала на стол, Гхолал почувствовал, как голова немного прояснилась, а терпкий аромат, все еще дразнящий язык травами, уменьшил слабость тела.

– Мяса или рыбы?

Гхолал кивнул, лишь затем поняв смысл вопроса. Без малейшего желания встал, с трудом поднял Сота и обернулся к владельцу помещения:

– Поможешь донести до комнаты?

Хмурое лицо искривилось подобием улыбки:

– Нет.

* * * *

Лицо Заавха с похмелья распухло, красные глаза, под которыми повисли темные мешки, со злостью смотрели перед собой, пальцы стиснуты в кулаки, готовые к драке. Едва он увидел идущего ему навстречу Гхолала с повисшим на плече оборотня Сотом, сразу и хрипло расхохотался:

– А я думал, что выпил больше всех...

Он смолк также внезапно, как и заговорил. Скорее всего, потому, что рассмотрел засохшую кровь на рваной одежде и разбитые лица. Брови Заавха грозно сошлись на переносице, кожа скрипнула на стискиваемых еще сильнее кулаках.

– Кто?! – грозно прорычал он.

У соседней комнаты открылась дверь, в проеме появился Геррап. Обнаженный по пояс и босой, с заспанным лицом, но тяжелый арбалет уже в руках. Первый взгляд, недовольный, на Заавха, второй, недоуменный – на Гхолала и Сота.

– Бежим или деремся? – быстро спросил Геррап.

Заавх презрительно фыркнул.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНФАС

ГЛАВА 1

Анфас жевал вяло.

Тянущиеся мучительно долго несколько последних дней вогнали его в непроходимую тоску. Обещанных кораблей не было, ежедневные, как на работу, походы к причалу выводили из себя однообразными деревянными настилами и мерно покачивающимися волнами за ними. В трактире, таверне, постоялом дворе или харчевне – как только не называли место, где иномирцы купили половину комнат и поселились, похоже, до старости – Анфас успел перезнакомиться с каждым посетителем, услышать кучу историй, посмеяться над каждой шуткой и почувствовать всем нечестно, как яростно вопили их пьяные языки, лишенным денег, любви или уважения. Утро начиналось одинаково, день нестерпимо медленно превращался в вечер, который Анфас мечтал провести где угодно, только не за надоевшим столом среди орущих друг на друга жителей города, названия которого он так и не узнал за все время пребывания в нем.

Все казалось настолько серым и скучным, что, просыпаясь утром, Анфас не хотел вылезать из постели. Он долго смотрел в потолок, вспоминая степь, волков в ней, жуткого проводника и непонятным образом исчезнувшего Тинома. Ни лес, встретивший их первым в этом мире, ни город, где их превратили в рабов, не всплывали в памяти так часто, как зеленеющая травой бескрайняя степь. Подоженная огнем Игнис, эта трава сразу стала черным пеплом, а дым от нее заставил всех, кто был вместе, потерять друг друга, тем самым приведя к гибели Джеффы, Тэнтар, Лгоэнка. Смихна... Анфас стиснул зубы от неожиданной и сильной злости, твердо уверовав в то, что для них смертельно опасно расходиться. Сот прав тысячу раз – в Адолроне они чужие, и только держась все вместе, они смогут как-то существовать на его суровых землях.

– Ты не думал о том, как выглядят Артефакты? – голос Ферьны заставил Анфаса резко обернуться.

Он уже хотел ответить вопросом на вопрос, но растерялся под пристальным взглядом, сидящего через стол от него черноволосого громилы. Анфас видел его уже не в первый раз, и каждую их встречу этот огромный незнакомец сверлил Анфаса угрожающим взглядом. Анфас не мог понять, громила провоцирует его на драку или неумело следит за ним, но мелькнувшее решение рассказать об этом кому-то он сразу отбросил. Заавх кинется на незнакомца с кулаками, а если тот позовет на помощь других посетителей, к Заавху тут же подключится Тайгив, ставший в последнее время, как ни странно, очень раздражительным. С другой стороны, эта драка с последующим допросом черноволосого громилы о причинах столь пристального внимания к Анфасу немного оживила бы серые будни последнего, но...

Анфас вздохнул и, как и вчера, перевел взгляд с незнакомца на Ферьну:

– Я уже не верю, что мы когда-нибудь выберемся из этой дыры...

– Я много думала о том, узнаем ли мы Артефакт, когда увидим его! – неожиданно перебила Ферьна.

Анфас, стараясь не замечать змеиный взгляд незнакомца, спросил:

– Почему ты задумалась об этом сейчас?

– Потому что мне нечего делать, – сразу и искренне ответила Ферьна, – впрочем, как и всем нам. Мы просто сидим и ждем корабль, который, может быть, никогда не приплывет в эту, как ты совершенно справедливо назвал её, дыру.

– Пешком до острова магов не добраться, – вяло заметил Анфас.

– Тогда пора искать работу! – Ферьна резко встала и, наклонившись к Анфасу, сказала ему на ухо: – Потому что украденные тобой деньги почти закончились.

* * * *

Ближе к ночи у Анфаса разболелся зуб. Сначала он кусал жесткое мясо, которое ему принесли во второй за вечер раз, сильно и резко, отрывал от большого куска куски поменьше и жевал так яростно, будто сражался с едой. В какой-то момент почувствовал тупую ноющую боль в верхнем правом клыке, а ткнув его пальцем, ощутил мимолетный, но пугающий холодок вдоль лопаток – зуб закачался под давлением пальца. В голове тут же понеслись панические мысли о том, какой боли ему будет стоить вырывать зуб в этом мире, потому как никакого лечения Анфас даже представить не мог, не говоря уже об анестезии.

Настроение резко и сильно испортилось. Мясо оттолкнул вместе с тарелкой, хмуро схватил кружку и, ударившись нижними зубами об её край, стал торопливо пить местный алкоголь, который в последнюю неделю заменил Анфасу воду. Проглотил, не заметив вкуса, хотя до этого дня он каждый раз казался новым, схожий лишь по терпкости и травяному аромату со всеми предыдущими. Следующим действием Анфаса стал мгновенный поиск угрюмого незнакомца, пронзающего его взглядом уже не первый вечер. Глаза прыгали с одного посетителя на другого, жадно выискивая тот немигающий и прямой, как лезвие меча, взгляд.

Но поиски не увенчались успехом, и Анфас, неожиданно для себя устав мотать головой по сторонам, взмахом руки потребовал вновь наполнить его кружку. Пока рыскал глазами по всем столам, не увидел никого из тех, с кем прибыл в Адолрон не по своей воле. В очередной раз выругался – сначала мысленно, а затем, когда ожидание новой порции терпкого напитка показалось бесконечным, во весь голос, сразу заметив обернувшиеся к нему недовольные лица.

Хмель уже ударил в голову, и Анфас с вызовом посмотрел в каждое лицо, возжелавшее полюбопытствовать, что за крик за соседним столом. К нему никто не обратился и, не найдя в нем ничего интересного, вернулись к прерванным делам – хохоту и стуку кружек. Лишь пара темнокожих и, как со слабым недоумением заметил Анфас, светловолосых молодых мужчин продолжили время от времени оборачиваться к нему, даже разговаривая друг с другом. Этого хватило, чтобы Анфас резко встал.

Двое темнокожих сразу прервали свой разговор, и оба повернулись к Анфасу, который в тот же миг крикнул им:

– Если есть что мне сказать, скажите это мне в лицо, а не шепчитесь между собой, как две бабы!

Повернувшись к Анфасу сразу стало в три раза больше. Внезапно захотелось исчезнуть от всех этих взглядов, но Анфас сдержался от мимолетного, хоть и очень сильного желания, справедливо решив оставить этот козырь для более подходящего момента.

Входная дверь открылась, и в заполненное людьми помещение вошел Гхолал. Он вломился в самое густое скопление посетителей, бесцеремонно расталкивая их заметно обросшими мышцами плечами. Анфас был абсолютно уверен, что кто-нибудь устроит драку с наглым оборотнем, но, к его безмерному изумлению, Гхолал дошел до его стола, не получив ни удара в спину, ни плохого слова в затылок.

Анфас растерялся: он продолжал грозно смотреть на всё еще настороженно обернувшихся к нему темнокожих посетителей, но дальше провоцировать их криком ему уже расхотелось.

Анфас сел и сразу сказал Гхолалу:

– Я больше не могу здесь.

Оборотень взял кусок мяса из тарелки и, засунув его в рот, начал медленно жевать, скосив глаза на Анфаса. Тот тут же продолжил:

– Меня сильно раздражают люди, которых я вижу каждый день, но больше всего бесит то, что в эту портовую дыру еще ни разу не зашел, ни один, чтоб его, корабль!

Входная дверь вновь открылась, на этот раз ее порог переступили Ыхойв и Культр. Первый обзавелся, как сразу заметил Анфас, подобием чехла для своего молота, чей изумрудный, переливающийся на солнце камень больше подошел бы Соту как колдовское дополнение к его

способностям. Но Ъхойв всюду брал свое оружие с собой – Анфас подозревал, что он даже спал с ним в обнимку – не снимал перевязь чехла и во время еды, поэтому заостренный конец темно-зеленого камня всегда и за всем вокруг наблюдал из-за плеча хозяина.

Культр улыбался так, что Анфас сначала увидел его растянутый в невероятно довольном оскале рот, и лишь затем самого Культра.

Оба сразу направились к их столу, а за десяток шагов Культр радостно выкрикнул:

– Наконец-то мы свалим отсюда!

Анфас даже дышать перестал.

– Корабль? – севшим от волнения голосом спросил он.

Культр кивнул, но мгновением позже Анфас понял, что не ему: Культр подозвал молодого худого парня, который разносил еду, и коротко сказал:

– Мы собираемся напиться, так что неси...

Парень убежал, не дослушав, а Культр одобрительно ухмыльнулся:

– Смышленный.

– Когда мы свалим отсюда? – вновь спросил Анфас, но уже громче, злой от того, что Культр не ответил в первый раз.

– Через два дня, – не переставая улыбаться, сказал Культр, запустив руку в ту же тарелку, из которой брал мясо Гхолал, – на причале готовят груз, и немалый, так что корабль явно будет большим.

– Откуда узнал? – с набитым ртом спросил оборотень.

– Я это увидел своими глазами, – ответил Культр, – как ты мог заметить, корабли здесь не так часто появляются, как хотелось бы. Странно, что весь городок не гудит, как пчелиный улей, готовясь к самому интересному событию за последнее время.

Но Гхолал продолжал смотреть вопросительно, и Культр, улыбка которого немного погасла, продолжил уже без охоты:

– Сторож причала сказал мне об этом за золотую монету...

– Я надеюсь, этой монетой ты купил каждому из нас место на этом корабле, – возмущенно перебил Анфас, – потому что иначе ты очень сильно переплатил.

Перед столом вновь появился худой парень, перед иномирцами поставил два пузатых кувшина и три больших кружки.

– А ты сегодня наверно выпил больше всех в этом трактире, – произнес Ъхойв, сразу схватившись за один из кувшинов, – если думаешь, что сторож может...

– Тогда какого черта отдали ему целую золотую монету?! – вновь перебил Анфас со злостью. – Мы всё это время живем здесь за десять таких монет!

Культр взял кружку, едва Ъхойв наполнил ее до края и, стараясь не пролить, поднес ко рту. Причмокнув, начал жадно пить, но, не заливая подбородок, а затем и грудь содержимым кружки, как делали большинство здешних посетителей.

– Если он нас обманул, мы заберем у него эту монету, – произнес Ъхойв, ставя наполненную кружку перед Гхолалом, – но мне не верится, что ряды деревянных ящиков растут на причале просто так...

– Разве не Геррап с Сотом должны ходить на причал? – вдруг спросил Анфас. – Вы их не встретили там?

– Нет! – шумно выдохнув, ответил Культр. – Как увидишь их в следующий раз, обязательно спроси, где они пропадают весь день.

* * * *

До кровати Анфас добрался с трудом, шатаясь от чудовищного количества выпитого за вечер, но, грохнувшись на постель лицом вниз, уснуть не смог. Позже его стошнило, но сон всё также не шел. Перед закрытыми глазами раз за разом появлялся корабль – огромный, с белоснежными парусами и вырезанной из дерева статуей грудастой женщины на бушприте.

Из коридора стал доноситься какой-то шум. Сначала Анфас его едва замечал, всецело погрузившись в тот сладостный момент, когда он ступит на палубу корабля, что заберет его из этой так ненавистой уже дыры в самой глубокой яме Адолрона...

Но шум в коридоре стал громче, и грезы растаяли, заставив Анфаса с руганью встать и направиться к двери со злым намерением выяснить, что за ней происходит.

В коридоре – двое шатающихся мужчин, и на мгновение Анфас увидел в одном из них себя, ибо примерно в таком же состоянии он недавно шел сюда. Второй незнакомец старался поддержать наклоняющегося в разные стороны собутыльника, но ввиду такого же сильного опьянения невольно начинал падать в том же направлении, что и приятель.

Анфас быстро скинул с себя одежду и мысленно приказал своему телу исчезнуть. Пьяницы в коридоре разговаривали громко и одновременно, не замечая ничего вокруг себя, – Анфас, взглянув на свою руку и увидев вместо нее потрескавшийся дверной косяк, вышел в коридор.

– Я убью вас! – громко провыл Анфас на манер призрака.

Один из мужчин медленно обернулся и мутным взглядом обвел коридор. Его приятель тоже замолчал, но лишь на миг, после которого пьяно пробормотал:

– Куда нас позвали?

– В ад! – еще громче провыл Анфас, с каждым словом делая шаг ближе к пьяницам.

Тот, который обернулся первым, немного изменился в лице, а взгляд его чуть прояснился. Его приятель вновь пробормотал, икая:

– Это где? В землях дларргов?

– Сме-е-е-ерть! – закричал Анфас, одновременно делая шаг. Обернувшийся первым мужчина, быстро бегая глазами по всему коридору, попятился с бледнеющим лицом, врезался в приятеля, отчего тот неуклюже свалился на пол. Анфас быстро шагнул еще два раза и со всей силы толкнул незнакомца кулаками в грудь с низким криком: – Смерть!!!

Оба мужчины оказались на полу, но барахтались они там всего несколько секунд. Цепляясь друг за друга, как в старых фильмах, что так нравились Анфасу, они вскочили, разом протрезвев, и, не переставая рассматривать выпученными от страха глазами пустой коридор, с топотом заплетающихся ног выбежали из него.

Анфас хотел рассмеяться – розыгрыш получился прекрасным по исполнению и ужасным, как и предполагалось, по восприятию для разыгранных им людей, но внезапно заболела голова, а голые ступни вдруг ощутили холод деревянного пола.

За спиной вдруг раздался негромкий глухой стук. Анфас обернулся, чтобы увидеть пустой коридор, и сразу почувствовал не только холод. Головная боль ушла, а заменила ее пугающая до дрожи мысль – что Анфас будет делать, если встретит в Адолроне такого же невидимого человека, как и он сам?

ГЛАВА 2

Гхолал не хотел рассказывать никому про их с Сотом прыжок в уже третий по счету мир. Не потому, что думал – не поверят или замучают расспросами, а потому, что он всё еще мыслями оставался там. В мире, где Крысий Глаз пытался убить своего родного брата, а их сестра мечтала покончить с ними обоими, лишь бы выжить самой. Листница... Ценой собственной жизни она вернула его, Гхолала, в Адолрон, хоть он и не просил, внутренне уже смирившись со всем в тот момент.

– Встреча с тобой была мне необходима...

Последние слова, что Листница произнесла перед тем, как навсегда закрыла глаза, вызвали у оборотня глухую, давящую боль в груди. Её голос гудел в голове, не прерываясь ни на миг, а перед плотно зажмуренными глазами появлялось лицо девушки, смотрящей Гхолалу прямо в душу...

Не проходящее чувство вины изредка сменялось слепящей яростью, зудящим рвением убивая, заставляя страдать всех живых существ в Адолроне. Мучительное желание повернуть время вспять и не дать Листнице призвать Кнарралтора, нестерпимо медленно и с невероятным трудом слабело под дрожаниями от чудовищного напряжения доводами разума. Смерть Листницы пошатнула Гхолала сильнее, чем он мог себе представить, но мозг упрямо твердил одно и то же – чтобы её смерть не была напрасной, оборотень обязан жить. Жить, несмотря ни на что, вопреки всему и назло всем в этом и остальных мирах. Но сердце, словно пронзаемое острым, раскаленным ножом при каждом ударе, наполняло глаза слезами, а горло забивало комом невыносимого чувства безграничной вины. Вины, что терзала Гхолала хуже пыток, и оборотень искренне ненавидел себя за то, что при всей своей невероятной силе не смог спасти жизнь одному человеку, который сохранил его собственную...

Застывшее в немом укорё лицо Листницы часто сменялось страшными вспышками воспоминаний той поистине черной ночи. Он видел свои руки, залитые кровью разорванных на части врагов, но не наслаждался этим, а лишь тщетно пытался заглушить свою внутреннюю боль, словно прикладывая пластырь к оторванной руке...

– Встреча с тобой была мне необходима...

* * * *

Перед самым рассветом, когда Гхолал, наконец-то, смог заснуть, начался ливень. Его шум проник в тяжелый сон Гхолала, разбудив, когда за окном еще было темно. Гхолал полуоткрытым глазом с недоумением увидел распахнутые ставни, гадая, что произошло – ведь он их закрывал. Но ливень обрушивал поток бесчисленных ледяных капель на подоконник, после чего невидимые в полумраке брызги летели прямо в лицо оборотню.

Гхолал встал и, протянув руку под дождь, по очереди закрыл обе ставни. В комнате стало чуть тише, темнее, но Гхолалу расхотелось возвращаться на мокрое холодное ложе, поэтому он шагнул к двери. Вряд ли он найдет внизу столь поздних посетителей, что встретят с ним это неприятное утро, но сон исчез, словно и не было, сделав выбор за Гхолала.

Он взялся за металлическую дверную ручку, раздраженно дернул на себя, но дверь не открылась, заставив Гхолала удивиться во второй раз за минуту. Резкий звук за спиной заставил вздрогнуть от неожиданности и развернуться одновременно – Гхолал непонимающе смотрел на вновь распахнутые ставни окна, чувствуя себя обманутым. Дождь вновь врвался ледяными брызгами в темное помещение, а сердце Гхолала начало разгоняться растущим страхом.

Оборотень медленно, очень медленно выдохнул. Бесшумно подошел к открытому окну и, встав сбоку от левой ставни, посмотрел на улицу. Поток дождя размыл очертания домов, но не смог скрыть быстрое движение за углом трактира...

Гхолал прыгнул в окно. Лишь когда на плечи обрушилась ледяная вода, а внизу увидел стремительно приближающиеся дорожные камни, он вдруг задумался о том, зачем, собственно, он прыгнул в окно.

Приземление оказалось жестким и неприятным. Скользкие от дождя камни не дали ногам никакой опоры, и Гхолал растянулся на них, больно ударившись плечом и ребрами.

Не прыгнул из окна, а вывалился.

Продолжая гадать над собственным чересчур спонтанным поведением, Гхолал вскочил и подбежал к углу трактира, где из окна заметил чей-то силуэт. Кроме шума дождя, он абсолютно ничего не слышал, поэтому осторожно выглянул из-за угла.

И увидел тонущую в потоках ливня пустую улицу. Гхолал быстро обернулся, чтобы убедиться, что за спиной у него тоже никого нет, кроме такой же пустой улицы. Пробежался глазами по темным пятнам закрытых окон в доме напротив, и, решив возвращаться обратно в трактир, бросил прощальный взгляд за угол.

Посреди улицы стоял человек.

* * * *

Гхолал резко вышел из-за угла.

Человек стоял прямо посередине улицы в длинном плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Струи дождя стекали по нему ручьями, раздваиваясь у ног бурлящими потоками.

Гхолал не увидел рук незнакомца, отчего решил, что они под плащом – возможно, сжимают какое-то оружие. Между ним и оборотнем было почти два десятка шагов, если не больше, по скользким камням...

– Кто ты? – крикнул ему Гхолал.

Он не знал, услышал ли его человек в плаще, и приготовился выкрикнуть ему вопрос еще раз, громче и злее, но в этот момент стоящий напротив оборотня человек вытянул руку, защищенную перчаткой с рукавом до локтя, и коротко махнул ею, приглашая Гхолала подойти. Нога невольно дернулась в попытке сделать шаг, но Гхолал мгновенно пресек неожиданную послушность тела к немой просьбе незнакомца на улице. Возможно, перед ним – колдун, внушающий людям то, что он хочет, а это значит серьезный противник, с которым без Мортема вряд ли получится справиться.

Гхолал цепко держал незнакомца в плаще взглядом, и был готов в любой момент явить ему зверя, что разорвет его вместе с его плащом. Подобные мысли придали уверенности, Гхолал даже перестал чувствовать холод дождя...

Человек в плаще внезапно направился к оборотню. Настолько неожиданно и резко он пришел в движение по направлению к Гхолалу, что тот вздрогнул от страха, внезапно ударившего в сердце, а в следующий миг напряг ноги, ища точку опоры на скользких камнях для прыжка.

Незнакомец остановился также резко, как и начал идти. Меньше, чем в дюжине шагов от оборотня, вновь спрятав руку под плащом.

Происходящее на этой залитой дождем улице вынуждало Гхолала испытывать острую тревогу. Поэтому он решил, что время Мортема пришло – и зверь в эту ночь окрасит ручьи на мостовой в красный цвет.

– За что ты хочешь меня убить? – громко спросил незнакомец густым басом в последний момент перед атакой оборотня, тем самым сохранив свою жизнь. И заставив Гхолала смутиться неожиданному вопросу.

– Что прячешь под плащом? – вместо ответа крикнул Гхолал.

– То же самое, что прячешь ты под личиной человека, – ответил незнакомец.

Он сделал шаг в направлении оборотня.

Чувство опасности стало морозить Гхолала намного сильнее ледяных капель дождя. Мелькнула слабая мысль отступить за угол, но она была задавлена сильным желанием узнать, с кем Гхолалом столкнулся в эту ночь.

– Кто ты? – вновь крикнул он незнакомцу.

И сразу же услышал:

– Мы с тобой очень похожи. Нам нет равных.

Второй шаг.

– Ты дважды не ответил, – громко и четко сказал Гхолал, тоже делая шаг навстречу, – спрошу в последний раз. Кто ты?

Третий шаг незнакомца, а следом слова:

– Если начнем то, что ты задумал, можем навредить многим непричастным к нашему разговору людям...

– Зря ты залез в мое окно!

Гхолал пошел на незнакомца. Короткими, медленными шагами, провоцируя его на действия. Мысль выяснить, на что способен неожиданный ночной противник появилась перед самым моментом превращения в Мортема, и Гхолал сразу с ней согласился. Пусть покажет, что умеет.

А потом умрет.

– Я убил того, кто залез в твоё окно.

Гхолал едва не замедлил шаг. Между ним и незнакомцем в плаще оставалось меньше пяти шагов, когда тот быстро сказал:

– В Адолроне не все тебе враги, Гхолал.

Нога предательски замерла, остановив шаг оборотня. Гхолал смотрел, как частые капли дождя, срываются с густой бороды незнакомцы, что торчала из-под капюшона и была единственной видимой частью лица человека в плаще.

Его так и подмывало еще раз спросить незнакомца, кто он такой, но Гхолал продолжал молча смотреть. Оставаясь внешне спокойным, он дрожал внутри от напряжения, готовясь обернуться могучим зверем в ту же секунду, как посчитает её подходящей.

– Ты знаешь мое имя, – произнес оборотень, стараясь не выдать внутреннего напряжения голосом, – но я не знаю твоего. Как не вижу и твоего лица. Ты говоришь, что убил кого-то, кто влез в мое окно, но...

– Где его мертвое тело? – перебил незнакомец в плаще, одновременно закончив за оборотня предложение.

Гхолал, проглотив попавшие во время своей речи в рот капли дождя, произнес, немалым усилием удержавшись от кивка:

– Да.

Тот, кто скрывал лицо под капюшоном, а руки под плащом, произнес:

– Чем больше я буду отвечать на твои вопросы, Гхолал, тем больше их у тебя будет возникать. У меня нет столько времени. Но!

Незнакомец медленно вытащил руку из-под плаща, еще медленнее сжал её в кулак.

– Наша встреча с тобой этой ночью не последняя. Скоро ты узришь мой лик. И явишь мне свой, истинный.

Гхолал вновь ощутил сильную угрозу.

– Я отвечу на три твоих вопроса, Гхолал. После чего уйду.

– Ответ всего на один вопрос, – потребовал оборотень.

Голова в капюшоне чуть качнулась в бок, руку незнакомец убрал обратно под плащ.

Гхолал, незаметно вдохнув побольше воздуха для атаки, спросил, как можно равнодушно.

– Ты анндог?

ГЛАВА 3

Игнис проснулась в отвратительном настроении. Голова болела, в боку кололо, будто после долгого бега, а во рту было сухо и жарко, как в пустыне.

Она покинула свою комнату с такой поспешностью, словно в её недуге были виноваты стены, за которыми она провела ночь. Быстрым взглядом окинув заставленное столами и заполненное людьми помещение, Игнис заметила Анфаса, но присоединиться к нему не стала, лишь с трудом оторвала глаза от стоящего на его столе кувшина. Других свободных мест на скамьях Игнис не нашла, лишь в следующий миг подумав о том, что она бы обидела Анфаса, сев не рядом с ним, поэтому быстрым шагом направилась к двери. По ноздрям ударил сильный запах чеснока, и Игнис поймала себя на мысли, что или все здесь великие любители этого растения, или каждый из присутствующих безумно боится заболеть простудой. Чтобы подтвердить свою догадку, она невольно улыбнулась, бросив несколько взглядов по сторонам. Чеснок вываливался из разрезаемого, но чаще отрываемого руками мяса; дольки чеснока лежали на черстве хлеба, но чаще Игнис видела жареный, почерневший чеснок на отдельной тарелке. Эти хрустящие зубчики хватала руками и закидывала в рот горстями довольные, как слоны, посетители, после чего смачно и громко жевали, распространяя характерный острый запах вокруг себя.

Игнис неожиданно почувствовала голод. До двери оставалось несколько шагов, надо лишь обойти тучного пьяного мужика, который уперся в стол руками и никак не мог решить – встать или остаться сидеть, но Игнис невольно оглянулась в поиске Анфаса. Мимо протиснулся еще один пьяный посетитель, плотно прижавшись к Игнис выпирающим животом. Чувство голода сразу испарилось, и Игнис, наградив обладателя внушительного брюха полным презрения взглядом, направилась к всё еще упирающемуся в стол мужику, за которым её ждала дверь на улицу.

А за дверью в глаза ударило солнце, заставив зажмуриться. Игнис невольно прикрыла глаза ладонью и быстро шагнула в сторону, чтобы спешащие внутрь люди не сбили с ног, она такое уже дважды видела. Довольно быстро перед глазами перестали прыгать белые пятна, Игнис убрала ладонь и, продолжая щуриться, уже смогла рассмотреть узкую улицу, на которой стояла. Ей что-то пробурчала проходящая мимо женщина, за руку она тащила упирающегося мальчишку – Игнис со странным интересом проследила за ними взглядом.

Следом на глаза попала очень старая женщина с черной от загара кожей. Тысячи морщин изрезали лицо и шею настолько, что показались Игнис жуткими ранами, из которых вот-вот потечет кровь. Игнис невольно моргнула, успев за этот краткий миг содрогнуться всей душой при мысли о том, что через несколько десятков лет она будет выглядеть также. Когда глаза вновь открылись, из них хлынули слезы, по щекам устремившись к подбородку, чтобы в следующий миг сорваться с него солеными каплями.

Игнис вскинула руку, чтобы смахнуть неожиданные слезы, но пальцы застыли на мокрой щеке. Она всегда знала, что постареет, это неизбежно, но неизбежным это было в ее родном мире. Сейчас она в Адолроне, и здесь она повелевает огнем! В Адолроне всё, что казалось раньше нереальным, находится буквально под ногами, только руку протяни.

Игнис почувствовала, как нагрелась кожа от внутреннего жара, разом высушив слезы на щеках. В этом мире есть бессмертные существа, и непоколебимое решение найти их и забрать их вечную жизнь себе прогремело в голове Игнис как гром.

* * * *

Ей внезапно и очень сильно захотелось посмотреть на корабль, что прибыл ночью.

Она была рада этому событию, но не до щенячьего восторга, как Анфас. Покинуть этот город точно стоит, вот только путь через океан Игнис не нравился по одной единственной, но очень веской причине.

Она не умела плавать.

Пришлось пройти всю улицу, чтобы из воздуха исчез душный, пропитанный чесноком и подгорелым мясом запах трактира. За поворотом Игнис невольно обратила внимание на появившихся впереди оборванцев, громко о чем-то ругающихся. Это были взрослые мужчины со злыми лицами и худыми, костлявыми телами двенадцатилетних мальчишек. Одетые в лохмотья, они махали руками и кривили тонкие губы в ругательствах, которыми щедро поливали друг друга.

Когда они проходили мимо Игнис, она почувствовала неприятный запах их немых потных тел и сразу направилась в противоположную от бродяг сторону. Показавшийся чистым после трактира воздух улицы она теперь представляла отравленным и спешила как можно быстрее оказаться на причале.

Редкие прохожие не смотрели на нее, а вот Игнис жадно всматривалась в каждое появляющееся на ее пути лицо. Где-то она услышала, еще в родном мире, когда и не подозревала о существовании Адолрона, что среди всего огромного количества живущих на земле людей у каждого из них есть по пять близнецов! И если много путешествовать по разным странам, то шанс встретиться хотя бы с одним из них весьма высок. И сейчас, вызывая у редких прохожих, взглянувших на нее в ответ, недовольство на лицах, Игнис страстно хотела увидеть в одном из них свое отражение.

По прямой дороге на причал людей было больше, чем встретила Игнис за весь путь от трактира. Большинство были женщины, они стояли у деревянных перил, что защищали от падения в воду у самой кромки причала, и, прикрываясь рукой от солнца, рассматривали повернувшийся к ним выпуклым боком корабль. Игнис невольно сбавила шаг, изумившись размером прибывшего судна. Кто-то в трактире вчера сказал, что корабль будет маленьким и на таком крошечном подобии лодки безрассудно глупо покидать порт. Но сейчас Игнис смотрела, не моргая и чувствуя, как заслезилась глаза от яркого солнца, и не могла представить себе что-то большее, чем этот гигантский деревянный красавец, время от времени поскрипывающий мачтами при порывах ветра.

* * * *

Ласколе не нравилось, что Анфас напивался каждый день до бессознательного состояния. И хотя она, как и все, знала, что именно Анфас топит в местном алкоголе, это несколько его не оправдывало. Каждый из них мечтает убраться из этого осточертевшего за все дни пребывания в нем и однообразного городка. Но, напиваясь, Анфас в последнее время стал вести себя агрессивно, начал провоцировать других людей на драку, однажды Ласкола даже услышала, что он грозился призвать огромного великана, который разнесет по камешку весь город, если Анфасу сейчас же не принесут еще один кувшин.

Заавх, как позже рассказал Ласколе Ыхойв, увел Анфаса в тот вечер и, судя по всему, очень доходчиво объяснил, что так вести себя не стоит, потому что следующий вечер Анфас пил с угрюмым лицом, не разговаривая даже с мальчишкой, что приносил ему выпивку.

Но больше всего Ласколе не понравилось, что Гхолал перестал общаться с Сотом. Оборотень не избегал его, даже сидел рядом за одним столом, но не то, что не обращался к нему, а даже не смотрел в его сторону. Рассказ Сота об их неожиданном и затянувшемся больше чем на месяц – правда, лишь для них – путешествии в еще один мир, помимо их родного мира и Адолрона, к которому все они торопятся адаптироваться, каждый слушал с открытым ртом. Как на поляне за разрушенным Сотом городом, где благодаря силе перстня спаслись от рук ужасного колдуна, пережитое оборотнем и Сотом поразило всех, лишив каждого сна в ту ночь.

Ласкола тщательно скрывала от всех внутреннее напряжение, которое с каждым днем только усиливалось. Она испытывала страх перед каждым новым утром, совершенно не представляя, что оно может ей принести, даже привыкнув, что здешнее утро повторяется одно за другим без малейших изменений уже не первый день. Всё чаще вспоминала загадочного хозяина маленького лесного дома, который спрятал ее от ужасов ночного леса в первый день появления в Адолроне. Он же накормил ее необычным ужином, тем самым подарив невероятную способность исцелять всех. Кроме себя самой.

Он сказал, что ей нужно лишь позвать его.

И он придет.

* * * *

Шанс убраться из этого города и добраться до острова магов вселял в нее надежду. Но эта надежда была зыбкой, как утренний туман, что вот-вот исчезнет под первыми лучами солнца...

Мысли постоянно возвращали ее в тот лесной дом, едва Ласкола переставала чем-либо заниматься. Разговор с кем-то или планирование грядущих событий на пути к Лодогманару позволяли Ласколе на время перестать думать о той ночной встрече. Но едва в голове появлялся ветерок свободных мыслей, он тут же приносил ей запах той еды и аромат трав, развешанных по стенам дома. Ласкола помнила каждое слово незнакомца в плаще, и половина сказанного им сбылась. Не оттого ли она не может перестать думать о нем, что боится подтверждения всех его слов?

Но кто он?

Почему спас в ту ночь?

И почему просил никому не говорить о нем, хотя сам знал всё обо всех?

Ласкола не знала ответов на эти вопросы, и не могла ни у кого спросить. Возникшая одной из бессонных ночей безумная мысль убежать за городскую стену и позвать таинственного защитника была невероятно сильна. Ласкола даже встала с постели и не коснулась её до самого рассвета, бродя по комнате взад и вперед под мерный храп Геррапа.

В тот же день она кусала губы от злости, что не может поговорить о мучающих ее мыслях с Сотом. Он и Гхолал знают всё об Адолроне, и если оборотень больше сведущ в подобных ему хищниках и других опасных проявлениях этого мира, то Сот разбирается практически во всем, что существует сейчас на этих землях. Но даже ему Ласкола не знала, как задать вопрос, и, думая об этом, в сотый раз вновь вернулась мыслями к своему таинственному защитнику.

Почему он позволил ей вернуться к тем, кого сам же назвал лжецами? И в этот момент Ласколе словно ударила молния: он всегда рядом! Он невидим, как Анфас, и неумолим, как Гхолал в лице Мортема, в неусыпном следовании за ней. Куда бы Ласкола не шла, он зорко следит за ней и ждет.

– Но чего ты ждешь?! – невольно выкрикнула Ласкола в потолок.

Она быстро окинула глазами комнату и, надеясь, что её крик не разбудил Геррапа и не был услышан кем-то из иномирцев в соседних комнатах, грустно прошептала:

– У меня заканчиваются силы.

ГЛАВА 4

Анфас проснулся от того, что не мог дышать.

Он испугался, распахнул глаза, жадно хватая ртом воздух, и лишь в следующую секунду понял, что у него заложен нос. Мгновенно расслабившись, он даже попытался усмехнуться, но вместо этого зашелся долгим, надрывным кашлем, по окончании которого Анфасу стало совсем не смешно.

Пока он раздумывал над тем, почему кашель душит его при каждом втором глубоком вдохе ртом, Анфас попытался высморкаться, но добился лишь сильной головной боли. В отвратительном настроении он выполз из комнаты, гадая над тем, где же он умудрился простудиться.

В голове возникла мысль, наполненная воспоминаниями: ненависть к первой в его жизни работе, сейчас не показалась даже злостью. Пытаясь вспомнить причины, по которым он отчаянно не хотел работать там, где проработал почти год, Анфас смог найти в недрах памяти лишь неудобный график, который совершенно не подходил для всего, что Анфас распланировал на каждый день той своей жизни, и крайне маленькую зарплату за, как ему тогда казалось, несправедливо большой труд...

Нервный смех вызвал новый приступ кашля. Адолрон предлагал всем, с кем Анфас появился на его землях и ему в том числе, самый свободный график из всех возможных, но с одним условием – сегодняшний день может стать последним днем. Без преувеличений и без прикрас. Что же касается оплаты...

Анфас вновь попытался засмеяться, и вновь не смог. Кашлял очень долго, грудь закололо от внутренних хрипов и скрежетов, но кашель не проходил, заставив Анфаса дышать маленькими вдохами. Что же получают все они за то, что найдут Артефакты и соединят их? Они вернутся в свой мир, к своей прежней жизни. Но прежними ли они вернуться?

Неожиданная глубокая мысль на мгновение отвлекла от кашля. Следом пришла другая глубокая мысль, от которой Анфас покрылся холодным потом: какое наказание может обрушиться на каждого из них за то, что они откажутся искать Артефакты, предпочтя остаться в Адолроне жить до старости?

* * * *

Еще одно утро.

Еще один день в этом городе.

Анфас, в последнее время стал замечать за собой, что больше всего внимания он начал обращать на местную еду. Пытаясь выделить или хотя бы найти различия в блюдах, если такими можно их назвать, приносимой босоногими мальчишками еды, Анфас быстро отказался от этой скучной затеи. Недоваренная зачастую греча, пережаренное мясо и словно сваренные несколько раз скользкие, отвратительные на вид, но еще хуже на вкус овощи были почти на каждом столе вне зависимости от того, что просил подать. Рыбу приходилось ждать дольше всего, а, чтобы ожидание не было томительным или гость трактира вдруг не вздумал уйти, устав ждать, его даром угощали натертым на черный хлеб чесноком вперемешку со сладкими травами, что, как с удовольствием отметил Анфас в первый же укус, было очень вкусно.

Но, в отличие от языка, желудок Анфаса был совершенно иного мнения об адолронской кухне. И если гречу с мясом или сыром он принимал без слов, то на так полюбившиеся Анфасу куски черного хлеба с чесноком и сладкими травами возмущался громко и настойчиво...

Дверь распахнулась от сильного пинка – Анфас невольно глянул на хозяина помещения. Тот лишь сильнее нахмурил брови и продолжил спорить с пьяным посетителем.

От сильного удара дверь врезалась в стену и полетела обратно, чтобы в следующий миг отомстить так бесцеремонно открывшему её Культру, ударив человека в плечо. Но Культр

этого даже не заметил – с мрачным злым лицом он направился к столу, где его уже с нетерпением ждали Анфас, Ыхойв и Ферьяна.

– Наше отплытие отменяется...

– Почему? – не желая слушать дальше, выкрикнул Анфас.

– Капитан корабля арестован по подозрению в пиратстве, – Культр схватил кусок хлеба с тарелки, но в следующий миг зло швырнул его обратно.

– Что значит – по подозрению? – переспросил Анфас. – Нашли спрятанный пиратский флаг на корабле?

– Я не знаю, – рявкнул Культр, – но с причала капитана увела городская стража...

– Нужно его освободить! – тут же выпалил Анфас.

К нему обернулся Ыхойв:

– Мысль хорошая, но не правильная. Знаешь, чем нам это обернется?

– Отплытием на Лодогманар! – сразу ответил Анфас. – Мы в Адолроне появились не за тем, чтобы сдохнуть от старости в этой дыре!

– Здесь я с тобой согласна, – сказала Ферьяна, – но я против того, чтобы...

– Идем прямо сейчас! – резко встал Анфас.

– Я против того, чтобы ссориться с местной властью! – сердито договорила Ферьяна.

– Если не уплывем на этом корабле, – коротко глянул на неё Анфас, – следующего можем ждать еще сто лет!

– Как ты собираешься освободить капитана? – спросил Ыхойв.

– Предложу за него выкуп! – ответил Анфас. – Деньги решают всё.

– Вряд ли капитана отдадут за дешево, – покачал головой Культр, – а большую сумму...

– Украду, – просто сказал Анфас – Какой бы ни оказалась сумма выкупа, её всё равно придется красть.

Культр невольно усмехнулся:

– Так может, украдешь столько, чтобы мы могли купить корабль?

У Анфаса расширились глаза, а губы стали расплываться в стороны от распирающей их улыбки.

– Я пошутил, – предупредил Культр, – даже если во всем этом городе найдется такая сумма, то забрать ее незаметно не получится, не говоря уже о том, чтобы потратить.

– К тому же, капитана лишь подозревают в пиратстве, – заметил Ыхойв, – если не найдут доказательств, то его отпустят через пару дней. Предлагаю просто подождать.

– А если нет? – недовольно спросил Анфас.

– Тогда будем думать, как его вернуть на корабль и вместе с ним отчалить, – сказал Ыхойв, – меня самого от этого городишка уже воротит.

* * * *

Только ждать Анфас был не намерен. Прикрывшись ложью о том, что ему стало плохо от выпитого и надо прилечь, он направился в сторону лестницы, но, выбрав толпу посетителей погуше, присоединился к ней и вышел на улицу.

Обратился к первому же встречному, коим оказался пожилой мужчина с набитой яблоками сумкой через худое плечо:

– Где мне найти городскую стражу?

Пожилый мужчина странно посмотрел на Анфаса и, молча достав из сумки одно яблоко, протянул его ему.

– Нет, – замотал головой Анфас, – мне срочно нужно найти городскую стражу. Куда мне идти?

– Я отведу, если примешь мое угощение, – ответил пожилой мужчина, продолжая странно смотреть на Анфаса.

Тот выхватил яблоко из протянутой руки, выдохнул:

– Я приму все твои угощения, если мы пойдем к городской страже прямо сейчас!

* * * *

Пожилой незнакомец шел медленно, чем сильно злил Анфаса, но и не разговаривал с ним, иначе точно бы вывел Анфаса из себя. Яблоко в его руке было сочным и мягким – чуть надавив пальцем на него, Анфас порвал кожуру и брызнул соком себе на руку. Но, как бы соблазнительно это яблоко не выглядело, кусать его Анфасу почему-то не хотелось.

За всё пребывание в этом городе Анфас ни разу не ходил по нему, предпочитая оставаться в трактире. Там он много ел, еще больше пил, не видя ни единой причины гулять по тому месту, которое с каждым днем ненавидел всё больше. Но сейчас он удивился размерам города, который считал маленьким – он с пожилым незнакомцем прошел почти с десяток двухэтажных домов и даже пересек едва бегущий ручеек по узкому деревянному мосту.

– Стучи в те двери, – пожилой мужчина вытянул костлявую руку в направлении очередного двухэтажного здания, только в отличие от предыдущих увиденных Анфасом, в этом здании окна были забраны металлическими решетками.

Затем пожилой мужчина снял с плеча сумку с яблоками и протянул её Анфасу со словами:

– Твои слова имеют вес?

Анфас без желания забрал сумку, которая оказалась настолько тяжелой, что он с трудом удержал её одной рукой. Закинув сумку на плечо и, теперь ощущая спиной яблоки в ней, Анфас буркнул:

– Спасибо за помощь.

– Тебе помогут за теми дверями, – вновь указав за здание с решетками на окнах, пожилой незнакомец внезапно посмотрел на Анфаса с такой улыбкой, с какой дед смотрит на любимого внука, – а я лишь угостил тебя яблоками.

– И ничего не хочешь взамен? – подозрительно спросил Анфас.

– Они не отравлены, – ответил пожилой мужчина, – и собраны в момент полного созревания. Угостись ими, и ты почувствуешь прилив сил. И не забудь угостить друзей!

Анфас вонзил недоверчивый взгляд в незнакомое морщинистое лицо.

– Почему ты решил, что у меня есть друзья?

– Меня зовут Рялаб. Я живу напротив трактира, в коем вы поселились, – ответил пожилой мужчина, – я видел, как много было с тобой людей в день вашего прибытия в наш город...

– Куда ты шёл с этими яблоками? – перебил вопросом Анфас.

Пожилой мужчина произнес:

– Я дарю их каждый день хорошим людям...

– Откуда ты знаешь... – начал, было, вновь перебивать Анфас, но тут боковым зрением увидел открывающиеся двери в здании городской стражи, если оно действительно было таким. Мгновенно забыв о странном незнакомце, Анфас развернулся всем телом, чтобы в следующий миг увидеть выходящих под палящие лучи полуденного солнца Геррапа и Сота.

Анфас невольно направился к ним, внезапно вспомнив о пожилом мужчине, который привел его сюда, но, обернувшись, никого не увидел за своей спиной.

* * * *

Геррап толкнул рукой дверь, одновременно с этим услышав крики и грязную ругань. Подобные этим, а порой и хуже звуки он уже привык слышать в стенах этого помещения, но на этот раз он удивился тому, что многоголосый гвалт был женским.

За удивлением сразу пришел страх – Геррап быстрым шагом вошел внутрь, но еще быстрее стал искать глазами Ласколу...

Разъяренные, красные от ярости лица и синие, вздувшиеся на потных шеях вены принадлежали незнакомым Геррапу женщинам. Рвущих горла в несвязном, но оглушающем крике четырех молодых и невообразимо толстых, как с долей отвращения заметил Геррап, незнако-

мок пытались оттащить от стойки трактирщика вдвое больше мужчин. Но пока что задуманное им давалось с трудом – как и попытки что-то сказать трактирщику, чей голос безнадежно тонул в женских воплях.

– Не вовремя мы вернулись, – услышал Геррап голос Сота справа от себя.

Почему-то ожидая услышать голос Анфаса за левым плечом, Геррап повернул голову, чтобы убедиться, что Анфас именно там, где он и хотел его увидеть. Но Анфас уже отдалялся от него, проходя между столами с довольными посетителями, со злым интересом наблюдающими за неравной схваткой разъяренных пьяных женщин против трактирщика.

Геррап собрался, было, отправиться следом за Анфасом, но в следующий момент увидел спускающихся с лестницы Ферьну и Ыхойва. Тогда Геррап сделал шаг, потому как уже поднял ногу, но не навстречу им, а к двери, перед этим взмахом руки позвав за собой Ыхойва с Ферьной.

– Если ты думаешь, что спас нас от этого пьяного дурдома, – мрачно рявкнул Ыхойв, оглянувшись на закрывающуюся за ним дверь. – то спешу тебя расстроить: мы и так не собирались там оставаться!

– Ты чем так недоволен? – спросил Геррап.

– Тем, чем и все мы, – ответила за Ыхойва Ферьна, – разве ты не в курсе последних новостей, Геррап?

– Как раз о них я и хотел поговорить...

– Лучше предложи решение, – буркнул Ыхойв.

Геррап остро взглянул на него:

– Не срывай свою злость на мне, как привык делать Заавх!

– Скоро мы все станем заавхами, – Ферьна перевела взгляд арбалетчика на себя, – мы в этом городе как в тюрьме.

– Ты не была в настоящей тюрьме, – заметил Сот, – в которой пришлось побывать нам после появления в Адолроне...

Ферьна резко шагнула к нему, перебивая со злостью:

– Я видела зверя Гхолала до того, как он стал делить с ним человеческое тело. И там, где ты стал седым от ужаса, я пробыла намного дольше тебя, так что даже не вздумай считать, что тебе где-то было труднее, чем мне!

Дверь трактира распахнулась неожиданно. Из неё вылетела одна из пьяных женщин, что шумели внутри помещения – точнее, её вытолкнули двое мужчин. Пьяная незнакомка всем своим немалым весом так врезалась в Сота, что откинула его на стену в нескольких шагах за спиной последнего.

Ферьна, за мгновение до этого успевшая уйти в сторону, увидела, как перекошилось от злости лицо Сота и вдруг с интересом стала ждать его реакции на произошедшее.

Пьяная женщина вцепилась в Сота сильнее, чем тонущий человек хватается за брошенную ему веревку, но, как сразу понял Геррап, лишь для того, чтобы не упасть самой. Её покрасневшее лицо с мутными глазами было направлено на мужчин в дверях, а изо рта вместе со слюной полетела ненависть:

– Беспросветные невежи! Так вы встречаете редких гостей вашего захолустья?!

Один из мужчин в дверях сразу ответил:

– У нас здесь своих любителей погулять за чужой счет хватает!

Ферьна невольно бросила взгляд на руки, вцепившиеся в плечи Сота, но, как и ожидала, не увидела на них маникюра – лишь грязные и в большинстве сломанные ногти.

Хотя одежда на пьяной женщине была намного лучше той, что носили местные жительницы, которых Ферьна видела иногда полуголыми. Даже на вид материал, из которого были сделаны длинные рукава, как собственно, и всё остальное в очень странном по мнению Ферьны

подобии платья, казался мягче и лучше той грубо выделанной кожи, в которую одели себя две встреченные ею вчера молодые девушки.

Ферьна так задумалась над этими сравнениями, что вынырнула из них в тот момент, когда дверь в трактир с грохотом закрылась, оставив пьяную женщину продолжать хвататься за Сота руками.

Судя по всему, она лишь сейчас заметила окружающих её людей. Остановив мутный взгляд на Ёхойве, выпалила:

– Я заберу всех вас с собой из этого захолустья!

– Твоё решение не изменится, когда протрезвешь? – буркнул Сот, наконец-то, освободившись от неожиданных, но очень сильных объятий.

– Всех, кроме тебя! – обернулась к нему женщина. – Ты не помогал мне...

– Только я и помогал! – негодуя воскликнул Сот. – Я не дал тебе упасть!

В тот же миг Сот вспомнил Элмтора...

Лучший воин виновника всего, что произошло с Сотом с той роковой ночи, когда он с Гхолалом решил выслушать незнакомца, присоединившегося к их столу, был Сотом и убит. Сам Сот не видел этого, но выжигая магическим огнем всё вокруг себя, чтобы спасти собственную жизнь, он и не вспомнил про Элмтора, стоящего рядом...

После смерти Крысиги Глаза Элмтор собирался посвятить свою жизнь защите не родного, если верить словам Листницы и Сдаака, сына своего покойного правителя. Сот заскрипел зубами от бессильной злости: настолько всё перепуталось в последние дни пребывания в чужом мире, столько лжи и стремящихся убить его событий не позволили даже на миг разобраться в происходящем...

Следующими в памяти всплыли слова Гхолала:

– Мы всех убили и никого не спасли.

Сот сразу увидел перед внутренним взором и самого оборотня, с которым столкнулся вчера на лестнице. Они не обмолвились и словом – Гхолал, как и Сот, этого совершенно не хотели. Брови последнее время у оборотня не покидали переносицу, взгляд был тяжел и опасен – Соту даже показалось, будто вчера он увидел в глубине зрачков языки пламени. Гхолал после возвращения из мира Крысиги Глаза много ел, много пил, но худоба не уходила из его лица и тела. Скулы всё также натягивали кожу, заостренный, как у мертвеца, нос и тонкая кожа на постоянно стиснутых кулаках стали так беспокоить Ласколу, что она сообщила об этом Соту, а позже это заметили все вокруг. Но когда Ласкола предложила оборотню свою помощь – какую именно, Сот гадал по сей день – Гхолал грубо отказался...

... – Стража вашего захолустья скоро отпустит моего мужа, – громкий хохот пьяной женщины выдернул Сота из пучин болезненных воспоминаний, – и мы вновь будем свободны среди волн!

– Мы здесь тоже гости, – произнес Геррап, – и, если на корабле твоего мужа найдутся свободные для нас места, мы будем вам очень благодарны.

– Сколько? – сразу спросила женщина.

Пошатнувшись, она нелепо шагнула к Геррапу, чтобы повиснуть на нем точно так же, как минуту назад висела на Соте.

– Нам во что бы то ни стало нужно добраться до одного далекого острова, – сказал Геррап прямо в тянущееся к нему и улыбающееся во весь рот лицо, – поэтому цена для нас не играет большой роли.

– Сколько человек вместе с тобой хочет убраться из этого захолустья, стрелок? – захотела женщина, не отпуская Геррапа. – И арбалет твой придется оставить, муж не позволит с ним подняться на борт!

ГЛАВА 5

На следующий день женщина, которая назвала себя женой взятого под стражу капитана так желанного для иномирцев корабля, появилась в трактире с первыми посетителями. Сразу заняв два стола, громкими визгливыми криками отвоевав их у троих пьяниц, что сидели за этими столами, как вспомнил Геррап, со вчерашнего вечера, женщина с опухшим и злым лицом красными глазами торопливо искала мальчишку, который принесет ей выпить. Геррап не ожидал, что она придет так рано, но внутренне обрадовался, что встреча всё же состоится, и, встав из-за своего стола, направился в сторону её нетерпеливого крика.

– Я не рыбой собираюсь платить, так что поторопись с моим кувшином!

С этой фразой на плечах худой мальчишка убежал от недовольной женщины. Геррап замедлил шаг перед первым столом и сел на скамью напротив только после того, как жена капитана смерила его мутным взглядом и едва заметно кивнула.

– Ты один будешь решать за всех? – резко спросила она хриплым голосом.

Геррап собирался положить локти на стол, но передумал, увидев мокрые желтые пятна на столешнице.

– Я один поверил, что ты придешь сюда с утра. На вашем корабле будет место для меня и еще четырнадцать человек?

Мальчишка не подошел, а подбежал к столу, поставил перед женщиной пузатый кувшин и замер в ожидании монеты. Но женщина одной рукой схватила за кувшин быстрее, чем другой – за кружку, в которую начала наливать темную пенящуюся жидкость, разливая большую часть на загаженный стол.

– Мы тебя еще не раз позовем, – сказал Геррап мальчишке, коротким движением руки прогоняя его.

– Что они могут? – далеко не сразу спросила злая женщина. Геррап отсчитал четыре полные кружки, наполняемые и осушаемые, прежде чем взгляд жены капитана корабля стал более-менее осмысленным.

– На корабле некому полы мыть? – усмехнулся Геррап.

Лицо женщины стало суровым.

– Низко ты ценишь тех, кто идет рядом с тобой. По справедливости, мне стоит взять всех твоих людей, кроме тебя, за подобные речи, стрелок!

Ухмылка исчезла с лица Геррапа, словно и не было. Он не знал, куда спрятаться от укоризненного взгляда женщины, с каждым словом которой Геррапа как будто обливали ведром ледяного презрения.

– Как они станут к тебе относиться, узнав о твоих речах?

– Я никого из своих друзей не собирался оскорблять глупой шуткой, – процедил Геррап, чувствуя себя крайне неуютно на этой скамье за этим столом перед этой женщиной.

И сразу услышал сухой ответ:

– Слова как птицы: вылетят – поймать трудно.

– Что ты имела в виду, когда спрашивала о том, что могут мои друзья? – Геррап не мог говорить с женщиной и смотреть на нее одновременно. Она так метко уколола его, что от растерянности и уже выросшего с гору чувства стыда Геррап не знал, что делать.

– В водах океана утонуть – далеко не самое страшное, что может с тобой случиться, – ответила женщина, наливая очередную кружку. Только наполнить её до конца не смогла – кувшин опустел раньше. – Оттого и интересуюсь, кто из твоих людей, помимо тебя, способен помочь нам дать отпор пиратам или подводным чудовищам!

Словно услышав слова женщины, на лестнице появились Заавх и Ыхойв, которых Геррап заметил боковым зрением. Заавх быстро нашел взглядом нужный стол и сразу пошел к нему, а Ыхойв направился к трактирщику.

– Ты вообще вставала из-за стола со вчерашнего вечера? – громко хохотнул Заавх, шумно падая на скамью и вызываясь рассматривая недовольное лицо женщины.

– Хочешь, испорчу тебе настроение? – вместо ответа спросила она, залпом осушив неполную кружку. Перевела взгляд на Геррапа, тот мгновенно заговорил:

– Мы сможем вдоволь наговориться на палубе корабля. А сейчас надо придумать, как этот корабль...

– Нет! – отрицательно замотала головой женщина. – Тебе надо пойти и перестрелять всех в том доме, где держат моего мужа, как зверя, в клетке!

– Тебе Анфас это посоветовал? – спросил Ыхойв, занимая место на скамье и опуская на грязный стол два полных кувшина. Вкусный терпкий запах резко ударил по ноздрям, которые затрепыхались у женщины, а её руки сразу потянулись к кружке...

В какой-то момент Геррап понял, что совершенно не участвует в разговоре. Заавх басил на весь трактир, хохотал и напивался с самого утра, чем сильно начал беспокоить Геррапа, мгновенно вспомнившего громкие выступления пьяного Анфаса. И, учитывая, что Заавх может и будет шуметь куда громче, его хмельной концерт может обернуться ненужными неприятностями.

Все предложения медленно, но приходящей в хорошее расположение духа жены капитана насчет убийства всех, кто держит ее мужа под замком безо всяких причин, Ыхойв откидывал в сторону, на каждое из них спрашивая женщину о том, что есть на их корабле такого, что могло бы снять с её мужа все обвинения.

Геррап в задумчивости повел плечом. Привычный жест, когда ремень арбалета немного сползал, и подобным движением Геррап возвращал его на место. Но сейчас удивился, не почувствовав привычной тяжести на спине и с тревогой заметил, что в этот раз не взял с собой арбалет. Впервые за всё время пребывания в этом городе он вышел из комнаты без оружия!

Спокойная и однообразная жизнь, что текла здесь, невольно расслабила Геррапа, немного сняв напряжение с нервов за безопасность Ласколы и остальных иномирцев. Словно все ужасы Адолрона, так щедро выпавшие на их плечи с первого дня появления в этом мире, обходили стороной этот город, разрешая живущим в нем людям отдохнуть и набраться сил перед уходом, если они решаться покинуть это тихое место.

* * * *

– Почему мы должны ждать? – голос Анфаса вытащил Геррапа из размышлений. – Мы легко можем заставить городскую стражу отпустить капитана корабля, мы можем...

– Нет! – сразу возразил Геррап.

– Даже без убийств, – заметил Культр, обратив на себя удивленный взгляд арбалетчика, – когда местная власть узнает, на что мы способны, они сразу оценят свою жизнь выше приезжего капитана...

– А на что вы способны? – медленным, голосом, но с интересом перебила женщина. – В этом захолустье можно удивить и чистой одеждой, но ты же о чем-то другом говоришь?

– Нет! – громче повторил Геррап, отмечая боковым зрением, как много посетителей появилось в трактире. На скамьях за столами, что отвоевала с утра жена капитана, сейчас сидели почти все иномирцы. Геррап не увидел лишь Игнис и Гхолала.

И Оерца.

– Тогда управлять кораблем будешь ты! – заявил ему Культр. – Потому что скоро он точно покинет этот город!

– Отличная речь! – пьяно захохотала жена капитана, сделав неуклюжую попытку похлопать. – Я не собираюсь сидеть здесь...

Неожиданно икнув, судя по недоуменному лицу, даже для самой себя, она резко замолчала, уставившись в полупустую кружку. Геррап, лишь скользнув по ней взглядом, остро взглянул на Культра. Метатель неотвратимых клинков выдержал взгляд арбалетчика с каменным лицом, затем добавил:

– Мы – не простые люди...

– Это не значит, что мы можем делать всё, что захотим!

– Ты не в том мире, Геррап, чтобы быть пацифистом, – заявил Заавх, – твой арбалет создан для убийств, и то, что ты до сих пор его не выбросил, говорит о том, что ты принял этот факт.

– В первую очередь он для защиты, – ответил ему Геррап, обрадовавшись и удивившись тому, что Заавх не настолько пьян, как предполагал арбалетчик, – и уж точно не для нападения без причины.

– Насколько сильно тебе нравится Адолрон, Геррап? – спросил Анфас. – Ты хотел бы состариться и умереть в этом мире?

Геррап мгновенно обернулся на жену капитана. Нетвердой походкой, с пустым кувшином и кружкой в руках она шла, задевая боками столы в направлении трактирщика. И по тому, как быстро мрачнело его лицо, владелец помещения, в котором эта женщина вчера устроила крик, явно не испытывал ни малейшего желания общаться с ней еще раз.

– Нет, конечно, – смутился Геррап вопросу Анфаса.

– Тогда я тебе напомним, для чего мы появились в Адолроне! – произнес Анфас. – Найдя Артефакты и уничтожив Адолрон, мы вернемся домой! В наш мир, в котором и должны жить и умирать! Умирать от старости, в окружении семьи и близких друзей, а не разорванным на куски монстром у обочины дороги здесь, в Адолроне! Каждый день, что мы сидим в этом городе и ничего не делаем, чтобы приблизить возвращение домой, мы только тянем время. Я не хочу вернуться домой в пятьдесят лет!

Геррап смотрел хмуро, но возразить не смог.

– Может выкупить капитана под залог? – предложил Ыхойв.

– Где взять деньги? – спросил Заавх. – Мы сегодня пьем на последние.

– Анфас украдет, – просто ответил Ыхойв, – он это уже делал.

– Почему ты решил, что городская стража отпустит капитана под залог? – спросил Тайгив.

– А почему бы им отказываться от денег? – вместо ответа спросил Ыхойв. – Я не думаю, что они получат большую сумму, сдав капитана кому-то, кто его разыскивает. А если мы им предложим хорошую плату за то, что они никого в своем городе похожего на капитана не видели, я уверен, они не откажутся.

– Мы с Геррапом разговаривали с ними вчера, – произнес Сот, – и командир городской стражи весьма суров в рабочих моментах. Капитана посадили в клетку без оков на ногах, за что он при нас громко и грязно отчитал допустивших такую ошибку стражей, заставив тут же исправить то, что они не сделали.

– Никто не сомневается, что при своих подчиненных он будет непреклонен, – сказал Анфас, – но если поговорить с ним, например, здесь.

Анфас широким жестом обвел рукой помещение. Затем с улыбкой открыл рот, намереваясь продолжить свою речь, но его опередил Сот:

– Он частый гость этого трактира. В ночь, когда мы с Гхолалом отправились в мир Крысига Глаза, он сидел вон за тем столом до глубокой ночи.

– Осталось лишь украсть побольше денег и дожидаться, когда он вновь займет тот стол! – закончил за Сота Анфас. – И сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

– Где ты собираешься красть деньги? – слишком громко, как показалось Геррапу, спросил Заавх. А в следующий миг услышал недовольный голос неспешно возвращающейся к столу жены капитана:

– Неужели никто из вас не догадался взять чего-нибудь поесть?

– Она мне не нравится, – буркнул Ыхойв, вставая со скамьи.

Женщина, шатаясь, задела его всем телом, падая на то место, где Ыхойв сидел мгновение назад. Со стуком поставив на стол поднос с хлебом и дольками чеснока, жена капитана вновь заговорила недовольным голосом:

– Пить – хорошо, но поесть необходимо. Чтобы дольше пить!

Она резко и неприятно захохотала, закинув голову и схватившись за плечо сидящего рядом Сот. Но это не спасло ее от медленного падения назад, и если бы Сот не удержал ее крупное тело, то жена капитана продолжила бы смеяться уже под скамьей.

– Раз план кое-какой у нас есть, предлагаю сегодня не ломать больше над этим голову, – заявил Заавх, поднимая над головой свою кружку, – завтра с утра мы с Анфасом пойдем на промысел...

– Сам сказал, что сегодня пьем на последние монеты, – заметил Геррап, – поэтому если ты решил заранее отмечать не до конца продуманный план, то завтра с утра тебе будет не на что похмеляться.

– Почему мне? – удивился Заавх. – Неужели кроме меня никто больше не будет пить?

– С утра башка будет гудеть, как пчелиный улей! – смеясь, подхватила его жена капитана. – Но кого из нас это испугает?!

ГЛАВА 6

Ыхойв вернулся в комнату, которую делил с Анфасом и Культром, и лишь сейчас ему на ум пришла мысль о том, что только Гхолал был в своей комнате единственным жильцом. Остальные ночевали вдвоем и втроем в тесной комнатухе, но не наоборот. Страх перед чудовищным зверем, в которого превращается Гхолал – Ыхойв смог найти лишь такое объяснение, почему все толкаются друг с другом в узких стенах, вместо того, чтобы поселиться в комнате с оборотнем.

Ыхойв невольно усмехнулся: он и будет тем, кто станет вторым обитателем комнаты Гхолала. Неожиданное решение подняло настроение. Ыхойв спрыгнул с деревянных досок, на которых сидел и которые в этом трактире считались кроватью, и решил немедленно отправиться на поиски оборотня, который почему-то не присутствовал на утренней встрече с женой капитана корабля.

Перед самой лестницей, что вела вниз, к столам и шуму, а за ними и к двери на улицы города Ыхойв столкнулся с Оерцем, которого тоже не видел со вчерашнего дня. Тот шел, глядя себе под ноги, но даже после столкновения с Ыхойвом не поднял глаз. Пробормотав что-то себе под нос, Оерц продолжил путь, также глядя в пол.

– Оерц? – обратился к нему Ыхойв.

Резкий разворот, и в Ыхойва вонзился злой взгляд:

– Что ты от меня хочешь?

– Что-то случилось? – спросил Ыхойв.

– С кем?

– С тобой, – Ыхойв шагнул в сторону Оерца, – почему...

– Я знаю, что вы выбираете между убийством всех городских стражей и воровством их денег, чтобы выволить капитана корабля! – перебил Оерц. – Но я нашел еще один способ. Без крови!

– Почему тогда не пришел сегодня утром на встречу с женой капитана и не рассказал о нем всем? – недоуменно спросил Ыхойв.

Оерц вдруг отвел взгляд:

– Вы сохранили мне жизнь, когда позволили бежать вместе с вами из плена Итссура. До прибытия в этот город я искал способы, чтобы вернуть вам долг, но не смог этого сделать. Здесь я вовсе не вижу ни единой возможности отплатить вам тем же добром, коим вы поделились со мной в той темнице. Это означает, что мне пора найти в Адолроне свой путь, а не идти по-вашему!

– И куда ты собрался идти? – недоуменно спросил Ыхойв, сбитый с толку неожиданной сменой темы разговора.

– Как мне кажется, я научился неплохо владеть секирой, что забрал из замка Итссура, – ответил Оерц, – но, если верить Соту, я могу сражаться ею лучше всех в Адолроне. К счастью это или к беде, но я так и успел еще ни разу воспользоваться этим оружием по назначению...

Ыхойву вдруг захотелось, чтобы Оерц остался с ними. Обладатель секиры, по размерам лишь немного уступающей его молоту, всегда держался в стороне, не встречал в разговоры, но Ыхойв часто видел его рядом с Ласколой. Видел ли это Геррап?

– Оставаться с нами или идти, куда хочешь, решать только тебе, – произнес Ыхойв, – но всё же прощаться с тобой мне не хочется.

– Тогда идем со мной! – вдруг предложил Оерц, и Ыхойв растерялся. Он даже не рассматривал возможность существовать в Адолроне без тех, с кем здесь появился, как хорошую или плохую – больше задумался над тем, что будет, если он решится на подобный шаг.

– Если тебе и твоим друзьям предстоит уничтожить Адолрон, во что бы то ни стало, – произнес Оерц, – то мы с тобой можем прожить последние дни этого мира так, как только пожелаем. Моя секира и твой молот помогут заработать нам много золота, на которое мы купим женщин, дома. Даже целый город!

Ыхойв смотрел на Оерца, слушал его слова. Слышал в них правду, выловил то, о чем сам думал перед сном. Перед глазами уже нарисовалась картина, где Ыхойв – король, а за тронном, на котором он восседает, гигантское полотно с изображением герба его страны: сияющий изумрудным светом молот!

– Но если ты откажешься, я пойму, – словно издали Ыхойв вновь услышал голос Оерца, – возможно, именно тебе суждено...

– Куда ты собираешься идти? – вопросом перебил Ыхойв.

Оерц пожал плечами:

– Все дороги Адолрона открыты.

Ыхойв сделал второй шаг, оказавшись лицом к лицу с Оерцем:

– И по какой из них ты собираешься пройти?

* * * *

– В этом городе есть торговец, который может сотворить любое зелье или отвар, какое только тебе угодно, – произнес Оерц, шагнув на первую ступень лестницы, – мы можем попросить его приготовить такое зелье, чтобы командир городской стражи говорил и делал то, что мы ему прикажем! Если богини будут к нам благосклонны, мы вместе с капитаном уплывем отсюда, а командир городской стражи через день-два придет в себя с большой головой и абсолютно уверенный, что проспал так долго с жуткого перепоя.

Слова Оерца звучали очень убедительно, но Ыхойв почему-то сомневался. И решил сразу расспросить его обо всех своих тревогах.

– Ты уже ходил к этому торговцу зельями? Зачем?

Оерц ответил без промедления:

– Анфас так часто стал жаловаться на страшное похмелье, что я отправился побродить по городу в поисках каких-нибудь трав или отваров для облегчения его недуга. И нашел небольшую тележку, забитую маленькими бутылками и кувшинами с ладонь длиной, заклеенными воском, а рядом с этой тележкой стоял её хозяин. Мы с ним разговорились, я и сболтнул ему, что знакомый мне человек страдает очень сильно после пьянок. Он мне продал одну маленькую бутылочку за половину серебряной монеты, а за другую половину поклялся, что может сотворить любое зелье, какое я только пожелаю!

Ыхойв невольно попытался вспомнить, когда последний раз разговаривал с Анфасом и жаловался ли тот на похмелье, но вслух задал Оерцу следующий вопрос:

– Почему ты никому не рассказал об этом торговце? Сот наверняка захотел бы с ним поговорить, а может и прикупить пару-тройку отваров, чтобы добавить к ним магии своего перстня и...

Ыхойв вдруг представил, насколько Сот мог бы усилить своим колдовством каждое из зелий неведомого торговца. Затем разочарованно выдохнул и растоптал собственные бессмысленные грезы: то, что Сот до сих пор не спалил самого себя – уже огромное достижение для него. Чтобы он там не рассказывал про другой мир, в котором он с Гхолалом побывал за ночь Адолрона, в течение которой в том мире прошло почти два месяца.

– Он взял с меня слово, что я вновь обращусь к нему лишь по острой нужде, – произнес Оерц, – ибо на пустяки он не намерен тратить свое время и силы.

– Чем похмелье Анфаса не пустяк? – удивился Ыхойв.

– То была наша первая встреча, – ответил Оерц, – он никак не мог мне отказать, иначе не получил бы серебряной монеты.

– Как ты ему объяснишь, что нам нужно отравить командира городской стражи? – недоверчиво спросил Ыхойв. – И откуда тебе знать, что этот торговец не побежит к этому командиру сразу же, как мы уйдем?

– Ему нет нужды знать, для кого будет предназначен приготовленный им отвар, – ответил Оерц, – смертельного исхода также не будет, оттого и переживать незачем. Ни ему, ни нам.

– Тогда идем к нему прямо сейчас! – возбужденно выпалил Ыхойв, удивив самого себя. В какой-то момент предложение Оерца показалось идеальным решением, и сразу за этим мысль безудержно сорвалась с языка.

– И ты не хочешь сначала поговорить с Геррапом? – спросил Оерц.

– Нет, – ответил Ыхойв, чувствуя убедительную уверенность в собственных словах, – Геррап будет слишком долго рассуждать и принимать решение. Пока всё не взвесит, не просчитает всё наперед и не уберет все возможные опасные моменты, а я не хочу ждать. Анфас прав: нам пора валить из этого городка. И вполне возможно, отвар твоего торговца станет для нас билетом на корабль!

– Говоря о нас, ты имеешь в виду нас с тобой или твоих друзей тоже? – вновь спросил Оерц, и Ыхойв вновь растерялся.

Он хочет побывать на Лодогманаре, хочет увидеть сильнейших магов Адолрона, что живут там, также сильно, как и вернуться домой. С другой стороны, он может провести свое вынужденное существование в этом мире двумя путями. Либо он будет вместе с остальными иномирцами искать Артефакты, и эти поиски точно будут трудными и смертельно опасными для него, либо может отправиться вместе с Оерцем на другой конец Адолрона и с помощью секиры и молота завоевать себе небольшую страну. И в этот момент в голове возникла неожиданная и пугающая мысль: а вдруг у них не получится найти Артефакты, не говоря уже о том, чтобы соединить их?

Каждая группа иномирцев, прибывших в Адолрон ранее, терпела поражение одно за другим. Анндоги, с единственным представителем которых столкнулись на берегу Океана Смерти и который был быстро убит, даже не подтвержденный до конца в причастности к враждебной для иномирцев расе, настойчиво и неустанно мешали поискам Артефактов всем предыдущим группам, но почему-то не проявляют никакого интереса к иномирцам, в числе которых оказался Ыхойв. Но вместо того, чтобы порадоваться, Ыхойв не мог избавиться от мысли, что отсутствие анндогов на данный момент было затишьем перед бурей.

– Я не знаю, – ответил Оерцу Ыхойв после паузы, – сначала поговорим с торговцем...

– Он не сможет изменить твоего мнения, – перебил Оерц, – он сможет лишь помочь тебе покинуть этот город. Или на корабле вместе с твоими друзьями из твоего мира, или со мной по дороге вдоль океана.

– Чтобы уйти из города с тобой, мне не нужна помощь торговца и его зелья, – недоуменно заметил Ыхойв.

* * * *

– Монета или жизнь!

Неожиданный крик из-за угла перебил Оерца, заставив взглянуть на Ыхойва. Ыхойв же ускорил шаг, сжимая ладонью рукоять молота.

За углом увидел троих. Двое мужчин стояли спиной к Ыхойву и лицом к пожилой женщине, вжимающейся в стену, тщетно пытаясь в ней спрятаться. Первой мыслью Ыхойва был удар молотом в затылок того мужчины, что стоял к нему ближе, так сильно, чтобы его череп разлетелся на куски и забрызгал кровью и мозгами физиономию того, кто вместе с ним решил ограбить беззащитную женщину.

Но оба мужчины мгновенно обернулись к Ыхойву, едва он вышел из-за угла. В руках одного незнакомца Ыхойв увидел нож с длинным узким лезвием.

– Убирайтесь прочь отсюда! – рявкнул Ыхойв.

– Покажи, что можешь, – отвратительно оскалился черными зубами тот грабитель, что стоял к Ыхойву ближе. – Недостаточно просто носить с собой палку с камнем...

Он развернулся всем телом и отвел руку немного назад, замахиваясь для удара и договаривая:

– Сейчас я проверю, умеешь ли ты ей пользоваться.

– У тебя сегодня удачный день, – услышал Ыхойв справа голос Оерца, – ибо тебе придется...

Грабитель с ножом прыгнул, как тигр из засады. Ыхойв едва успел вытащить молот из ременной петли, но попятился, выставив оружие перед собой, как щит, он не поэтому. Грабитель прыгнул не на него и даже не на Оерца, а на другую сторону узкой, как его нож, улицы. Ыхойв торопливо повернулся, держа боковым зрением второго грабителя, и в тот же миг зажмурился от ударившего по глазам яркого солнечного света. Мгновенно отвернув голову и отчаянно надеясь, что Оерц сумеет избежать удара ножом от сообразительного грабителя, Ыхойв обрушил молот на второго незнакомца. Тот с ехидной улыбкой наблюдал за происходящим настолько увлеченно, что не увидел летящего ему в лицо зеленого камня.

Не глядя, во что его молот превратил голову только что убитого человека, Ыхойв быстро развернулся ко второму грабителю. И с облегчением увидел, что Оерцу не требуется помощь: обладатель узкого ножа валялся посреди улицы с несколькими ужасными ранами на груди и животе, из которых лезли дымящиеся и уже собирающие на себе мух внутренности.

В следующий момент Ыхойв обернулся к стене дома, к которой прижималась напуганная мертвыми уже грабителями пожилая женщина. Но увидел лишь ее сгорбленную спину, торопливо заворачивающей за угол соседнего дома.

– Пожалуйста, – чувствуя обиду внутри, пробормотал Ыхойв. Отсутствие благодарности за спасенную жизнь показалось ему очень оскорбительным, от чего он быстро разозлился на спасенную незнакомую женщину. – Для нас это обычное дело, можешь уходить, не прощаясь...

– Это для нее обычное дело, – перебил Оерц, в голосе которого Ыхойв услышал горечь, – не по разу в день чувствовать острый нож у горла. Потому не суди её. Ты сделал сегодняшний день для неё лучше предыдущего, оттого она спешит насладиться им.

Слова Оерца немного убавили злость Ыхойва, но не погасили её полностью, поэтому Ыхойв угрюмо буркнул:

– Показывай своего торговца.

– Он не мой, – сказал Оерц, и Ыхойв в очередной раз поморщился от того, что каждый адолдронец практически каждую услышанную фразу воспринимает буквально.

– Кстати, поздравляю с первым убийством, – невесело заметил Ыхойв, – если это твое первое убийство.

– Я убивал и до темницы Итссура, – в ответ покачал головой Оерц, – вынужден был убивать. Но секирой, что обрел в замке колдуна, убивать оказалось намного проще.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ыхойв.

Оерц смотрел на капли крови на широком лезвии своего оружия так долго, что и Ыхойв невольно посмотрел туда же. В тот же миг Оерц ответил:

– Секира словно сама летит к врагу. Мне остается лишь направить. И выбрать ту часть тела, которую решил поразить. Разве за твоим молотом ты такого не замечал?

– Нет, – ответил Ыхойв, внезапно почувствовав странную злость, – и мой молот никогда не принадлежал Итссуру.

Солнечные лучи припекали голые плечи и шею. Ыхойв почувствовал, как вдоль лопаток потекла горячая струйка пота. Он глубоко вдохнул, пытаясь услышать в воздухе некий запах, на мгновение показавшийся знакомым, но кроме пыли не учуял ничего. Резко выдохнув, вновь взглянул на Оерца:

– Идем к торговцу.

– Отчего тебе не спокойно? – спросил тот.

У Ыхойва были сотни ответов, но он промолчал.

* * * *

Орерц так и не сказал, где именно торгует человек, предложивший отвар для спасения Анфаса от похмелья. Ыхойв шел за ним настолько долго, что успел остыть после неожиданной драки с уличными грабителями и вновь вспотеть, но уже от душной жары, наполнившей узкие улицы. Улицы, в которых Ыхойв чувствовал себя, как в лабиринте, и чем дольше он шел по ним за Орерцем, тем больше злился...

Он безмерно удивился, услышав громкое приветствие:

– Очень рад видеть тебя вновь перед собой!

Удивление больше всего было из-за того, что за все дни пребывания не только в этом портовом городе, но и в Адолроне никто не обращался ни к Ыхойву, ни к одному из тех, с кем он появился в этом мире так вежливо.

Он обогнал Орерца с такой скоростью, будто перепрыгнул через него, чтобы увидеть этого замечательного человека, чья вежливость не погибла под ударами окружающего всех их жестокого мира.

Мужчина, что предстал перед Ыхойвом был высок, бородат и крайне рад видеть его вместе с Орерцем, судя по широкой белозубой улыбке. Одетый в тунику, как, отметил Ыхойв с первых дней пребывания в этом мире, были одеты большинство жителей Адолрона, и подпоясанный широким ремнем, мужчина вскинул руку в приветствии:

– Чтобы бы вы не искали – у меня это есть!

Ыхойв невольно зацепился взглядом за подобие широких штанов, заправленных в сапоги на высоком каблуке, которые были перевязаны веревкой. Вернув взгляд на лицо торговца, ибо этот человек не мог быть никем другим, иначе Ыхойв точно взбесится, он осторожно спросил:

– Ты и правда можешь сотворить любое зелье?

Ответом был утвердительный кивок:

– Такое, какое только пожелаешь.

Ыхойв попытался и не смог определить возраст стоящего перед ним человека, отметив для себя его где-то около сорока или сорока пяти лет. Множество морщин на лице и вены на висках несколько не вязались с какими-то по-детски озорными, радостными глазами.

– Как и договаривались, я пришел к тебе вновь, ибо нужда терзает меня и близких мне людей, – раздался голос Орерца.

Торговец лишь скользнул по нему взглядом, а когда заговорил, смотрел на Ыхойва также внимательно, как и Ыхойв на него:

– Ты не назовешь мне имя твоего друга?

– Нет, – неожиданно для Ыхойва отказался Орерц.

– Отчего же? – задал торговец вопрос, который хотел задать Орерцу и Ыхойву, но опоздал.

– Я пришел просить зелье для себя, и лишь мое имя будет тебе известно, – ответил Орерц подтвердившим голосом.

– Ты сказал, что нужда терзает не только тебя, но и близких тебе людей, – не растеряв улыбки, заметил торговец. Сам он, как обратил внимание Ыхойв, тоже не спешил представляться.

– Это правда, – согласился Орерц.

Торговец вновь взглянул на Ыхойва.

– Есть только две ниши людей, чьи имена не называются без веских причин, – произнес он, – к первой относятся беззаконники и нечестивцы, разыскиваемые соглядаями из обеих империй. Вот только чешуйчатые убийцы всегда опережали безкожих...

– А ко второй нише? – перебил Ыхойв, запоздало сообразив, что торговец говорит об империи Питона и Магическом Пере.

– Представители одной из империй, – без промедлений ответил торговец, – вот только ты, как я вижу, человек. Это значит, что и ты, и остальные близкие люди много уважаемого мною Ореца либо из первой ниши, либо отчаянно стремящиеся попасть во вторую.

– Это возможно? – невольно выпалил Ыхойв.

Торговец развернулся к нему всем телом. Взглянул остро и пронзительно, и едва Ыхойв почувствовал себя очень неудобно, резко ответил:

– Нет.

Ыхойв медленно выдохнул. На какое-то мгновение ожидавший услышать нечто, что его удивит, обрадует и обнадежит, но не получивший этого, он расстроился и разозлился одновременно:

– Тогда мы просто купим нужное нам зелье и уйдем.

* * * *

Всю обратную дорогу Ыхойв размышлял над словами торговца. Мысль о том, что можно стать одним из приближенных к верхам правления в одной из самых, судя по словам Сота, могущественных империй Адолрона не выходила из головы. Орец говорил и пояснял, какое именно и для чего нужно зелье, а Ыхойв слушал его краем уха и не слышал. Ящероподобные гиганты в одной империи и смахивающие на эльфов жители, чья кожа прозрачна, как слеза, второй вряд ли примут в ряды равных себе существо иной расы, но всегда и во всем бывают исключения. И Ыхойв страстно загорелся стать этим исключением.

В трактире народу стало еще больше, чем видел Ыхойв с утра, когда покидал его вместе с Орецем. По возвращению от торговца Ыхойв сразу хотел поговорить с Геррапом, но за столом, занятым всё тем же утром, увидел Анфаса, Заавха и Культра вместе с неутомимой женой капитана. Она хохотала и вскидывала над головой кружку, проливая часть содержимого себе на волосы.

– Есть еще один вариант освобождения капитана, – сразу сказал Ыхойв, садясь на скамью напротив Культра.

– Скажи сначала мне! – неожиданно крикнула жена капитана.

Недоуменно взглянув на нее, Ыхойв произнес:

– Мы можем просто вырубить капитана...

– Да я с самого начала об этом твердил! – радостно перебил Анфас.

– Мы можем просто вырубить капитана, напоив его...

– Тебе всё равно придется красть монеты, Анфас, – добродушно заметил Заавх.

– Мы можем просто вырубить капитана, напоив его колдовским отваром! – со злостью закончил Ыхойв.

– Странно, что это предлагаешь ты, а не Сот, – усмехнулся Культр.

– Разве не проще украсть монеты? – вновь спросил Заавх, переводя пьяный взгляд с одного на другого.

* * * *

Вскоре людей за столом прибавилось.

А вместе с ними и споров.

Анфас, Заавх, Псан и Культр настаивали на воровстве. Геррап, заручившись поддержкой Сота и Тайгиа, удивился собственной вспыльчивости. Он, подобно Заавху, неожиданно начал перебивать, торопясь сказать свою правду, которая неоспорима, а все остальные не правы до мозга костей. В груди поднималась злость, непривычная и какая-то звериная, ладони зачесались, в них мгновенно нырнул приклад. Всё, что говорил Анфас, Геррап слышал как неприкрытую, отвратительную ложь, а доводы Культра казались смешными до абсурда. Глаза Псана

часто срывались с лица Геррапа вниз, на его руки, но арбалетчик далеко не сразу понял, что смотрит Псан на стиснутый в побелевших кистях приклад.

– Что трудного в том, чтобы напоить до беспамятства? – спрашивал БХойв далеко не в первый раз.

– Какой смысл тратить ворованные деньги на отраву вместо того, чтобы просто дать их взамен свободы капитана? – в сотый раз удивлялся Культр.

– Сомневаюсь, что отрава стоит столько же, сколько и свобода капитана, – заметил Тайгив.

– Дешевле всего разнести этот город по камешку, – тихим голосом заметил Заавх, но его услышали все за столом. И Геррап вновь начал рычать, злясь все больше при взгляде на спокойное, чуть насмешливое лицо Заавха, пока вдруг не осознал простую истину: тот специально его провоцировал!

– Дешевле? – переспросил Геррап. – Смотря, чем измеряешь...

– Нашим временем и жизнями в первую очередь! – не дожидаясь, пока Геррап закончит, ответил Заавх.

– Можно очень долго спорить, – заявил Культр, – но желания делать это нет совсем. Если большинство за то, чтобы отравить командира местной стражи – пусть будет так. Не получится, перейдем ко второму варианту – подкупить его, чтобы отпустил капитана из города. Если и с этим не выгорит...

Культр многозначительно взглянул на Заавха, а когда тот решил что-то сказать, мгновенно и кровожадно улыбнулся:

– Тогда разнесем здесь всё по камешку.

* * * *

Внезапно разгорелся новый спор – Заавх заявил, что он один пойдет к командиру стражи, чтобы пригласить его вечером в трактир. Заавх даже придумал легенду, что именно он хочет отметить и почему именно с командиром городской стражи, но как Геррап с Сотом не пытались у него узнать, почему сказать это должен именно Заавх, ни один ничего не смог от него добиться.

В разговор вступили Культр с Анфасом, но не в поддержку Геррапа или Сота и даже не на стороне Заавха. В два горла они заявили, что им совершенно плевать, кто пойдет приглашать командира стражи на свидание, главное, чтобы это случилось как можно быстрее, и желательно, уже сегодня.

Геррап краем глаза увидел, как открылась входная дверь, и в трактир зашла Ласкола с Гхололом. Странное волнение вперемешку с ревностью разом отвлекло от словесной перепалки, направив всё внимание на Ласколу. Она увидела его, но не изменила выражения лица, лишь холодно, как показалось Геррапу, скользнув по нему взглядом.

Он сразу встал, в несколько шагов обогнул разделяющие их столы и преградил путь обоим.

– Что случилось? – спросил Геррап, обращаясь к Ласколе.

Она смотрела ему прямо в глаза и молчала. Геррап почувствовал страх. Мгновенно перевел взгляд на Гхолала, выпалил:

– Куда вы ходили?

И от оборотня ответом было молчание. Тогда Геррап почувствовал, как страх быстро превращается в ужас, остужая тело. Он невольно окинул взглядом трактир и убедился, что его посетители также пьют и веселятся, как минуту назад. Но легче стало лишь на мгновение, после которого ужас сжал сердце вдвое сильнее.

– Возможно, всё зря, – глухо произнесла Ласкола.

– Зря? – тут же спросил Геррап. – Что именно?

– Абсолютно всё, – ответила Ласкола.

Геррап перевел недоуменный взгляд на Гхолала, и тот спросил со злостью:

– Почему людей из нашего мира отправляют в Адолрон через определенный отрезок времени?

– Что? – недоуменно переспросил Геррап.

– Почему первые, кто попал в этот мир, не сделали то, ради чего мы здесь?

– Куда вы ходили? – спросил Геррап дрогнувшим голосом.

– Маги Ока Троицы не самые влиятельные персоны в Адолроне, – произнесла Ласкола, – и либо они умалчивают о тех, кто выше них, либо даже не знают об их существовании.

Геррап переводил растерянный взгляд с Ласколы на Гхолала и обратно, совершенно не представляя, что нужно у них спросить, чтобы он понял, о чем они пытаются с ним поговорить.

Но ни он, ни она не помогали Геррапу, глядя на него исподлобья хмурыми взглядами. Геррап невольно смутился, начал чувствовать вину непонятно за что. Затем, тряхнув головой, властно потребовал:

– Рассказывайте с самого начала!

– Не здесь, – сказал Гхолал и первым направился к лестнице. Вновь скользнув по Геррапу холодным, как ему снова показалось, взглядом, Ласкола последовала за оборотнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.